

Отзыв

официального оппонента на диссертацию

Дубовки Дарьи Григорьевны

«Повседневные дисциплинарные практики и религиозная рефлексия в православных женских монастырях постсоветской России: этнографические аспекты»

представленной на соискание ученой степени

07.00.07 – этнография, этнология, антропология

Тема работы Дубовки Д.Г. «Повседневные дисциплинарные практики и религиозная рефлексия в православных женских монастырях постсоветской России: этнографические аспекты» на первый взгляд может быть включена в круг проблем, ставших уже традиционными для работ ряда гуманитарных дисциплин последних десятилетий. В самом деле, вопросы изучения религиозных групп, их внутренней структуры, горизонтальных и вертикальных отношений внутри группы, взаимодействия установленной системы принуждения, нормативов, с одной стороны, и культурных навыков и установок членов группы, с другой, роли лидера в поддержании групповой солидарности, взаимоотношения с властями и т.д. находятся в центре внимания религиоведов, социологов, этнографов, историков. Но для диссертации Д.Г. Дубовки подобные, довольно типичные, рамки исследовательского интереса оказываются тесными. Для автора не только объект анализа – а это насельницы современных женских монастырей (с.15), но и в каком-то смысле даже предмет исследования, то есть практики и идеологии в монастырях, которые применяются для трансформации субъекта

в целях его духовного совершенствования, оказываются материалом для решения сверхзадачи: определение аналитического инструментария для адекватного описания религиозной субъективности, внутреннего преображения человека. С этой целью автор пытается рассматривать религиозную самотрансформацию субъекта в динамике, как постоянное столкновение религиозной и секулярной идеологий и соответствующих практик, ставя под вопрос распространенное среди обществоведов противопоставление религиозного секулярному.

Сразу хочу заметить, что все-таки не до конца ясным остается аналитическая рамка исследования, а точнее место авторской позиции в изучении религиозности среди отмеченных ею феноменологического и социологического (постдюркгеймианского) подходов. В любом случае, исследователь религии как правило вынужден занять определенную позицию – условно говоря, либо он верит, либо нет. Вероятно, выходом из подобной дихотомии является рассмотрение религиозной идеологии и практик в русле так называемого «онтологического поворота», опирающегося, в том числе, и на принцип симметрии знаний, уравнивающего научную и религиозную картины мира.

Могу лишь предположить, что суть авторского подхода заключается в переводе эмных представлений насельниц монастырей в этные категории исследователя в диахронной перспективе, которая создает необходимую для исследовательской интерпретации дистанцию. Такой поворот в разработке проблемы соотношения религиозного и секулярного продуктивен и делает диссертацию по настоящему интересным и новаторским исследованием. Замечу, что стремление Д.Г. Дубовки предложить свое видение решения этой проблемы свидетельствует об определенной смелости и уверенности в своих силах. И стоит признать, основания для чувства уверенности у автора, безусловно, есть.

Очень интересным и полезным является введение автором своего понятия религиозной агентности, неотъемлемой частью которой становится время как аналитическая категория. Это позволяет автору снять пресловутую дихотомию секулярного и религиозного и описать монастырское послушание и самотрансформацию насельниц как непротиворечивые практики. Диссертация поднимает и более общие вопросы, затрагивающие проблему самого эпистемологического статуса любой гуманитарной науки, испытывающей определенные сложности в плане верификации полученных результатов: как, в терминах О. Фрейденберг, перевести язык образов и эмоций на язык аналитических понятий, иррациональное объяснить через рациональное, найти в разнообразии субъективностей общий знаменатель? Все это свидетельствует о высоком теоретическом уровне работы и ее несомненном эвристическом потенциале.

Диссертационное исследование не отличается внушительным объемом, какие-то разделы, например, историографию вопроса, можно было бы расширить. Но, несмотря на лапидарность текста плотно насыщен аналитической рефлексией, что предполагает, так сказать, «медленное чтение».

Специально хотелось бы отметить прекрасное владение автором этнографическими методами полевой работы и высокое качество материала, собранного в результате интервьюирования и включенного наблюдения. Это именно тот случай, когда заявленная тема диссертации может быть раскрыта только на основе полевых материалов, являющихся результатом работы на микроуровне и акцентирования внимания на повседневных практиках и конкретных людях конкретных сообществ. Ну и, конечно же, впечатляет преданность автора этнографическому полю – по моим прикидкам полевые исследования заняли больше года - и готовность пойти на психологический дискомфорт.

Структура представленного исследования характеризуется логической последовательностью и четкостью. Основная часть работы представляет собой совокупность трех вполне законченных аналитических очерков, посвященных разным аспектам религиозных практик в женских монастырях: послушанию, религиозной агентности и харизматической власти старца. В результате скрупулезного и вдумчивого анализа Д.Г. Дубовка приходит к очень важному и весьма интересному заключению об относительном характере принятого разделения на секулярную и религиозную модели жизни по причине их внутренней неоднородности: часто сами монашеские практики порой отличаются друг от друга более, чем от секулярных норм (С.114). В заключении автор высказывает предположение, что более плодотворной теоретической оптикой является не проведение разделительных линий между секулярным и религиозным, а изучение «множественности практик самотрансформаций и их сочетаемости с господствующими идеологиями» (С.114), с чем можно вполне согласиться.

В целом, предлагаемая диссертантом процедура анализа социальной структуры исследуемых женских монастырей, экономических практик, властных диспозиций, техник самотрансформации насельников представляется корректной и продуктивной. Благодаря четкости изложения, оригинальности интерпретаций и глубине анализа работа Д.Г. Дубовки представляет собой абсолютно самостоятельное и серьезное исследование. Поэтому и некоторые замечания, изложенные ниже, можно оценивать как часть научной дискуссии.

Во-первых, Дубовка считает нерелевантным для избранной ею перспективы исследования различие послушниц и трудниц монастыря, поскольку «нередко дружеские связи <монашествующих> с приезжающими трудниками сильнее, чем межличностные симпатии внутри обители» и дисциплинарные практики «делают опыт временного трудника приближенным к опыту насельниц» (С.22). Но всегда ли это так? Ведь цели

пребывания в монастыре у этих групп могут быть разными, а раз речь идет о дисциплинарных практиках, то и мотивации следования дисциплине тоже могут быть разными. В каком-то смысле послушницы менее скованы в своем поведении, поскольку делегируют часть своей ответственности настоятелю. Соответственно и наказание за нарушение норм будет различаться у временных трудниц и послушниц.

Во-вторых, почему-то практически ничего не было сказано об обетной традиции посещения монастырей, которая была довольно широко распространена и в советское время. Поскольку целая глава посвящена постсоветскому наполнению аскетических практик, то наверняка не последнее место в этом наполнении занимала и советская по времени традиция трудиться по обету в монастырях.

В-третьих, во второй главе автор рассуждает о специфике дисциплинарных практиках в монастыре, в частности, о рекурсивном характере выявления греха в сходных контекстах, поскольку «насельницы обречены на постоянное повторение одних и тех же сюжетов, постоянное – поскольку грех не искоренить, а его обнаружение связано с однотипными трудовыми операциями» (С.79-80). То есть, послушание в монастыре исключает, по мнению автора, духовный прогресс человека, поскольку все больше и больше человек распознает в себе грехов. Возникает вопрос, а что такое духовный прогресс? Разве приобретение навыка по обнаружению скрытых грехов не может расцениваться как результат самотрансформации?

Есть ряд и более мелких замечаний, например, насколько корректно говорить о возрождении монастырской жизни в конце XIX в.? По крайней мере, для Русского Севера картина была не столь однозначной, так значительная часть монастырей именно в это время пришла в запустение. Или можно ли утверждать, что актуализация практик послушания и молитвы и их наполнение новыми смыслами отражает конкретную историческую эпоху, в которую они были возвращены в отстраивающиеся монастыри? Получается при этом, что в дореволюционное время были принципиально

другие мотивации послушничества. Наверное, это так, но чтобы подобное утверждать, хорошо бы описать особенности дореволюционного послушничества.

Высказанные здесь замечания нисколько не умаляют несомненных достоинств работы. Исследование, без сомнения, имеет теоретическую и практическую значимость. В целом, работа производит сильное впечатление логикой изложения и тонкостью анализа различных видов религиозной рефлексии в женских монастырях.

Диссертация Д.Г. Дубовки представляет собой полностью самостоятельное и оригинальное исследование, имеющее достоверные научные результаты. Оно содержит значительные элементы новизны и обладает существенным теоретическим и практическим значением. Обоснованность научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, не вызывает сомнений. Исследование должно учитываться при последующей разработке соответствующей научной проблематики. Отдельные наблюдения и выводы работы могут быть использованы при подготовке к лекционным курсам и семинарам, посвященным антропологии религии, истории религии в России, дисциплинарных практик и их роли в формировании субъекта. Отдельные части работы могут быть включены в состав учебных пособий по этим дисциплинам. Публикации автора вполне раскрывают основные положения работы. Автореферат достаточно полно передает содержание исследования и его выводы.

Полагаю, что, представленное в качестве кандидатской диссертации исследование на тему «Повседневные дисциплинарные практики и религиозная рефлексия в православных женских монастырях постсоветской России: этнографические аспекты» отвечает требованиям пп. 9-10 «Положения о порядке присуждения ученых степеней» (в редакции Постановления Правительства РФ от 21.04.2016г. №335), предъявляемым

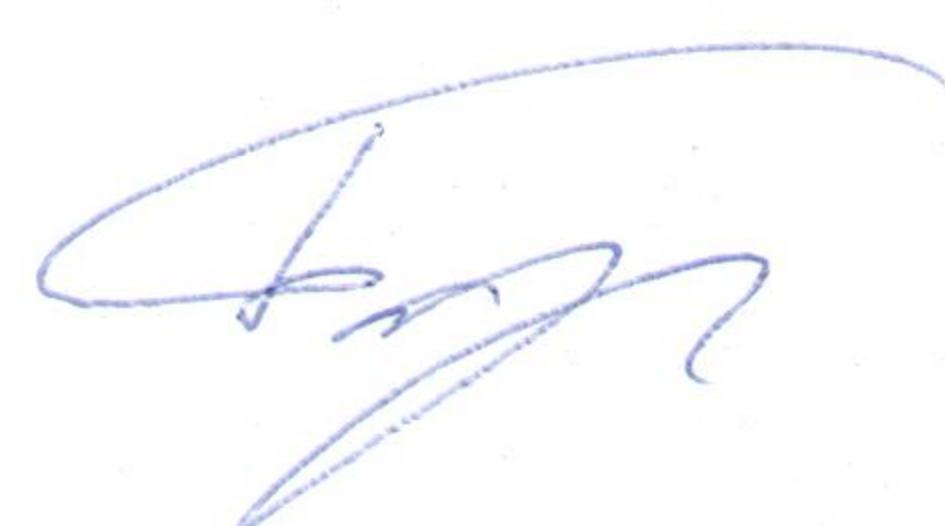
к диссертациям на соискание ученой степени кандидата исторических наук, а его автор заслуживает присуждения искомой степени по специальности 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология.

Заведующий отделом этнографии русского народа

Российского этнографического музея

кандидат исторических наук

Баранов Дмитрий Александрович

Адрес места работы:

г. Санкт-Петербург, улица Инженерная, д. 4/1,

Телефон: +7(812)570-57-68

Эл. почта: dmitry.baranov@list.ru

29.11.2017

Подпись руки Д.А. Баранова удостоверяю

/ помощник директора М.В. Воронова

